

Глубокая ночь. В личной клинике семьи Родригес сегодня настал день, когда супруга главы рода, Карина Родригес, должна была разрешиться от бремени.

За окном виднелись отсветы далеких пожаров, и это заставило Камерона Родригеса, стоявшего у кровати, слегка нахмуриться — словно эти всполохи всколыхнули в его памяти не самые приятные события.

Семья Родригес стремительно возвысилась в годы войны, благодаря чему земли под названием Асенлант были пожалованы Камерону, выходцу из обедневшего дворянского рода. Хотя даже прежний Родригес едва ли мог похвастаться знатностью — куда там до нынешнего титула графа. И человеком, подарившим семье такое процветание, был именно нынешний глава, Камерон Родригес.

Двадцать лет назад из-за споров вокруг торговли и человеческих жизней Серебряный Лунный Союз решил развязать войну с гномами Мифрилового Зала. Камерон, находившийся тогда в самом расцвете сил, разумеется, был призван на передовую.

Солдаты на передовой были крепки, снаряжены по последнему слову техники и прекрасно обучены. Попад на поле боя, они превращались в настоящую мясорубку, безжалостно кося врага, а яростные, ослепительные залпы заклинаний боевых магов были видны за несколько миль. Но и этого было мало. Даже привлечение магов не помогло изменить ужасающее соотношение потерь. Причина была лишь одна — физические возможности гномов выходили далеко за рамки человеческих.

Говоря проще, гномы оказались слишком сильны. Будучи мастерами кузнечного дела, они обладали экипировкой, ничем не уступающей снаряжению Серебряного Лунного Союза. В сочетании с несокрушимыми телами это приводило к тому, что требовалось уложить четверых или пятерых людских солдат, чтобы покончить с одним гномом.

Однако для Камерона Родригеса эти преимущества гномов словно не имели значения. Благодаря мастерскому владению мечом, которое он оттачивал с самого детства, и своему двуручному клинку, он без труда крушил этих гномов, чья броня выглядела даже лучше, чем его собственная. Его движения были быстрыми, точными и безжалостными. Куда бы ни ложился блеск клинка, раздавались лишь вопли гномов.

Так Камерон, сражаясь на передовой, своим двуручным мечом, удар за ударом, обеспечил человеческой стороне локальное преимущество. Ходили легенды, что однажды он в одиночку ворвался в гущу вражеского строя и прямо посреди ошестинившихся топорами гномов обезглавил их полевого командира. Сам же он до самого отступления врага отделался лишь парой легких царапин от зазубренных лезвий. Так и появился титул Камерона — Убийца гномов.

Но шрамы, оставленные войной, не так-то просто залечить. Всего за год и Серебряный Лунный Союз, и Мифриловый Зал понесли огромные потери. Обе стороны сошлись на том, что количество погибших солдат превысило все прогнозы, и решили временно прекратить огонь.

Конечно, упрямые, как ослы, гномы ни за что не признали бы своего поражения, как и не признали бы собственных ошибок. А Камерон Родригес, этот суровый воин, прошедший сквозь огонь и кровь, в награду за свои заслуги получил права на Асенлант и титул графа.

Однако мир продлился недолго. Несколько лет назад, движимые старой яростью, гномы вновь решили начать войну. Постаревший Камерон, несмотря на возраст, из чувства долга добровольно отправился на фронт. Чтобы закалить наследника, он взял с собой единственного сына, желая, чтобы тот прошел через настоящую кровавую баню.

Бои были столь же ожесточенными, как и прежде. Солдаты, вдыхая запах пропитанной кровью земли, гибли один за другим, а на смену им из-за спин павших выходили новые полчища, словно людские жизни были неисчерпаемы. Это было поле брани, ничуть не менее жестокое, чем в прошлый раз. И Камерон очень быстро осознал, какой страшной ошибкой было взять с собой ребенка.

Даже Камерон, носивший грозное прозвище Убийца гномов, был не в силах защитить мальчишку, который едва мог удержать меч, посреди такого ада. Когда сын пытался сразить гнома, отдачей от удара по вражеской броне у него выбило оружие из рук. Для подростка без реального боевого опыта такая ошибка стала роковой. В следующее мгновение его голова была легко снесена топором гнома.

Горячая кровь брызнула Камерону прямо в лицо. Он решил, что это обычная, привычная для войны гибель, пока не услышал предсмертный крик своего ребенка. Все произошло слишком быстро — даже для Камерона, чья помощь опоздала лишь на миг. Увидев своими глазами ужасную участь самого близкого человека, Камерон внезапно прозрел: кровь на его лице принадлежала его собственной плоти и крови.

Ах, неудивительно, что она была такой горячей, такой обжигающей и такой до боли знакомой. Неудивительно, что из его глаз теперь текли слезы. Неудивительно, что ему хотелось влить самому себе пощечину за собственную глупость. Неудивительно, что теперь он желал лишь одного — вырезать всех гномов до последнего.

После того как натиск гномов был отбит, Камерон больше никогда не появлялся на поле боя, как бы ни развивались события на фронте. Сейчас он стоял у дверей клиники, погруженный в воспоминания последних двадцати лет.

— Ох, война... — вздохнул Камерон, чьи седые волосы развевались на холодном северном ветру.
— Больше ни один ребенок не должен пострадать от пожара войны, чего бы мне это ни стоило.

Одна мысль за другой роились в голове, словно снежинки в зимнем небе. Внезапно в клинике стало шумно, слышались крики Карины и перепалка врачей и сиделок. Камерон понял: ребенок вот-вот появится на свет. Даже несмотря на то, что это был не первый его опыт отцовства, каждый человек испытывает трепет перед появлением собственного дитя, и Камерон не был исключением. Его могучее тело почти прижалось к дверному полотну, одна рука вцепилась в ручку, другая уперлась в косяк. Он замер, прислушиваясь к звукам внутри.

И вот раздался плач новорожденного.

С грохотом дверь распахнулась и ударилась о стену. Камерон ворвался в комнату с такой скоростью, что мог бы увернуться от магического луча. Врачи, сидевшие у двери, вздрогнули от его бесцеремонности, но лишь обменялись понимающими взглядами. Камерон смущенно улыбнулся, ероша свои поредевшие волосы. Но это было неважно. Куда важнее — здоров ли ребенок.

— Поздравляю, господин граф, ребенок здоров. Это девочка.

Один из врачей, сидевших поодаль, вытирал пот со лба. Увидев Камерона, он посмотрел на него, а затем с доброй улыбкой перевел взгляд на младенца. Камерон же был потрясен больше всех. Глядя на крошечное создание, его суровое, словно высеченное из камня лицо, невольно смягчилось.

Как же она похожа на него... на сына, погибшего на поле боя несколько лет назад. Можно лишь сказать: какая удача, что они были братом и сестрой, ведь даже спустя столько лет в чертах его маленькой дочери угадывались тени его сына. Камерон смотрел, как дочка плачет, и его кулаки невольно сжались.

— ...Назовем ее Милли. Хочется лишь, чтобы она прожила остаток жизни в мире и спокойствии, не зная бед, которые несут распри.

Выйдя из клиники, Камерон лишь укрепился в своем решении. Если он хочет оградить ребенка от войны, он должен пойти на жертвы.

— Похоже, иначе нельзя.

Камерон решился на крайне рискованный шаг, пытаясь предусмотреть все меры безопасности. Через две недели в административный зал Серебряного Лунного Союза было доставлено роскошное личное письмо. Еще через две недели весть о выходе семьи Родригес и Асенланта из состава Союза дала работу безработным мальчишкам-газетчикам.

— Свежие новости! Глава семьи Родригес объявляет об отказе от титула! Семья Родригес и Асенлант покидают Серебряный Лунный Союз и объявляют о сохранении нейтралитета по отношению к Союзу и Мифриловому Залу!

Мальчишки прыгали и размахивали газетами, выкрикивая главный заголовок дня. Новость быстро облетела весь Асенлант. Большинство жителей поддержали решение — в конце концов, никто не хотел, чтобы война вновь пришла в их дома. Лишь купцы загрузили: отныне Асенлант не был частью Союза, таможенные пошлины неизбежно вырастут, и за товарами придется ездить в далекий город Невервинтер на востоке.

Хотя это был молодой город, ассортимент товаров там поражал.

— Говорят, внутри Невервинтера полно железных штук, которые помогают людям работать, не знаю, правда ли это, — судачил один купец.

— Да брось, скорее поверю, что садовый инвентарь сам выходит на поле, — с уверенностью отвечал другой, будто сам там бывал.

Вечером.

Когда полная луна зависла в зените, неприметный мужчина средних лет прибыл в замок Родригесов. В его облике не было ничего необычного — в литературе такого назвали бы прохожим, — однако его глаза ярко сияли золотом, словно утреннее солнце, способное разогнать любую тьму. Несмотря на простой наряд, слуги в замке явно узнавали его и почтительно кланялись.

В гостиной Камерон уже ждал его, словно будучи готовым к встрече.

— Отец Лусиан, вы пришли.

Увидев входящего в зал отца Лусиана, Камерон тут же встал и поприветствовал его с теплотой давнего друга, но не забывая о приличиях. Отец Лусиан лишь кивнул и опустился на роскошное кресло, взяв чашку чая, заранее приготовленную слугами. Он сделал глоток и прикрыл глаза.

— Неплохо. Этот чай с первого глотка наполняет рот ароматом, поистине достойный напиток. Вы в своем доме никогда не экономили на приеме гостей.

— Относиться к гостям с уважением — наш базовый этикет, — ответил Камерон с прежним суровым выражением лица.

— Прием приемом, но... — Отец Лусиан отставил чашку, достал из-за пазухи свиток и с силой хлопнул им по столу. — Камерон, ты осознаешь, насколько опасен этот шаг?

— Осознаю.

— Ты! Сколько гномов мечтают заполучить твою голову? Неужели ты не боишься их мести после выхода из Союза? О чем ты только думал?

— Я прекрасно понимаю все, о чем ты говоришь. Но мой народ, моя семья, мои потомки и я сам — мы все давно ненавидим эту проклятую войну, — сказал Камерон, и в его низком, спокойном голосе слышалась непреклонная сила. — Серебряный Лунный Союз не остановит войну, они

лишь будут искать предлоги. С Мифриловым Залом то же самое. Их война не закончится, и у меня не было иного выбора, кроме как уйти таким способом.

Камерон указал на стены замка.

— Не думаю, что они станут собирать целую армию ради осады. Что до нападений из тени — пока я не покидаю пределы своих земель, у них не будет шанса.

Отец Лусиан посмотрел на него с выражением «я сдаюсь».

— Что ж, похоже, ты действительно возненавидел эту войну до глубины души.

— Никто не хочет снова терять своих детей.

— В этом я могу тебя понять. Став отцом, поневоле начинаешь думать о будущем.

— Именно. В этот раз я исполню свой отцовский долг до конца.

— Ха-ха, если ты готов пойти на такое, значит, ты все тот же Камерон, которого я знал.

Священник рассмеялся и указал на свиток на столе.

— Свиток заклинания Сонное Видение, которое ты просил. Это пятый круг, я потратил много сил, чтобы достать его. Пользуйся осторожно, на черном рынке за него просили бы не одну сотню золотых.

Говоря это, священник на мгновение поморщился, словно передача свитка далась ему с душевной болью. Камерон взглянул на свиток и слегка кивнул. Затем, решившись, он спросил:

— Несколько дней назад церковь Ландатера организовала поход в близлежащие деревни, чтобы разобраться со слухами о нежити. Есть ли какие-то успехи?

Услышав это, отец Лусиан нахмурился и тяжело вздохнул:

— Мы опоздали. Когда мы прибыли, удалось спасти лишь одну девочку. Остальные жители были либо зверски убиты, либо превращены в зомби и скелеты. Нам пришлось потратить немало времени, чтобы очистить то место от скверны.

Камерон задумчиво произнес:

— Вот как...

Отец Лусиан, наблюдая за ним, понял, что тот что-то обдумывает. Не желая мешать, он сказал:

— На сегодня, пожалуй, все. Уже поздно, завтра мне нужно в церковь. Да благословит вас Владыка Рассвета.

После его ухода в гостиной остался один Камерон.

— Не выходит... улик все еще слишком мало. Сначала нужно сосредоточиться на том, что ближе.

Он посмотрел на свиток, освежил в памяти использование заклинания Сонное Видение, а затем, подхватив его, направился в детскую.

<http://bllate.org/book/21072/2141481>